

НЕДАВНО, ПЕРЕБИРАЯ ДОКУМЕНТЫ СВОЕГО ДОМАШНЕГО АРХИВА, НАТКНУЛСЯ Я НА ПОЖЕЛТЕВШИЙ ОТ ВРЕМЕНИ ЛИСТОЧЕК ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ, СЛОЖЕННЫЙ ВЧЕТВЕРО. **Развернул его, и... о чудо! Это оказалась мой своеобразный дневничок, заполненный детским почерком, о том, сколько я работал в 1942 году в колхозе.**

С началом Великой Отечественной войны наше детство закончилось. Война была больше и больше забирала на фронт мужчин, в мае 1942 года ушел и наш отец. Мать осталась одна с тремя малолетними детьми и слепой сестрой. Государство давало какое-то пособие за ушедшего на фронт отца, но его ни на что не хватало. Мать стала работать в колхозе в качестве наемной работницы (мы не были членами колхоза). Вскоре в колхозе работать стал и я. Тетя Маша, как могла, следила за младшими сестрами – Женей и Елей. Учебный год оказался серьезно сокращен. Он начался, по сути дела, после наступления заморозков, где-то в середине октября, и завершился в апреле. В течение мая – середины октября все дети работали в колхозе.

На селе преобладал ручной труд. Дело в том, что в предвоенные годы техники не хватало. Непосредственно в колхозах ее и не было. Выручали лошади. Но когда началась война, исправные машины были мобилизованы на фронт, произошла мобилизация также здоровых и крепких лошадей вместе с извозчиками. В тылу осталась негодная техника и выбракованные лошади. Да и их было очень мало. Сельское хозяйство держалось на стариках, женщинах и детях.

Удивительно, но урожаи зерновых на колхозных полях, несмотря на то что неглубоко пахали и не очень тщательно боролись, были хорошими. Дело, видимо, в том, что продолжали еще действовать удобрения, внесенные до войны, и в том, что мы не нарушали плодородный слой почвы. Когда после войны по методике Лысенко стали насильственно внедрять глубокую вспашку (до 30 см), то урожаи зерновых упали в 2-3 раза.

Вставали мы рано, вместе с солнцем, шли на разнарядку, получали задание – и в поле. Домой возвращались часов в семь. Пока добираться до дому – уже сумерки. Пужинаешь – и спать. Два чувства меня преследовали в годы войны: все время хотелось есть и все время хотелось спать.

Постепенно я набрался опыта: научился подходить к лошадям, запрягать их, пахать и борошить, косить. В первое время мне не очень охотно давали лошадей. Их распределяли между старшими ребятами. Мне «доверили» управлять коровой. Все ребята на пахоту едут на лошадях, а я на хребте коровы еле-еле плещусь. Пахали мы все в едином круге. Все пашут, а корова устает, ложится в борозду и никак не встает. Ребята злились на меня: пашу мало, а результат делится поровну. Они стали на меня жаловаться бригадиру. И вот однажды, когда моя коровушка разлегалась в борозде, приехал на коне председатель колхоза Педон Олеш. Все ребята стали хором жаловаться на меня и на корову. Председатель соскочил с коня и давай хлестать корову плеткой-нагайкой. Вижу – корова плачет крупными слезами. Я бросился к ней, кричу председателю: «Не смей бить скотину!» Сам обнимаю ее, глазу по голове, плачу и говорю: «Ну вставай, миленькая, вставай!» Председатель в сердцах выкрикнул: «Скал – со вал овёл!» («Корова – это не лошади!»), сел на коня и уехал. Но с тех пор мне также стали давать лошадей.

Помню, как я впервые взялся за плуг. Он никак не слушался, шел куда-то в сторону, падал. Я был в ужасе: это было так тяжело и сложно. Потом стал держать только мизинчиком, чтобы плуг не упал, и он уже ровненько и гладко выписывал борозду без всяких усилий. Везде нужен навык. Пахота и боронование занимали у нас основное время колхозной работы. Вначале востовспашка, потом – первый пар, затем – второй пар и наконец под зябь. Осенью, когда уже устанавливалась прохладная погода, начиналась молотба. Тогда весь этот процесс происходил вручную. Вначале серпами женщины и дети жали зерновые, связывали их в снопы, складывали для просушки в суслоны. Через какое-то время свозили в одно место и складывали для хранения в скирды.

Потом уже шла молотба. На поле трактором привозили молотилку, устанавливали ее, подвозили колесный трактор со шкивом. Трактор работал и через шкивную передачу подключал к работе молотилку. Тут только знай вывози снопы и убирай солому за молотилкой. Отработав смену часов 12-14, сваливаешься тут же в солому, пока тебя не разбудят, и снова за работу.

Летом в период сенокоса бывали и более приятные условия труда. Сено косили так же вручную. Научился косить и я. Но чаще всего мальчики возили травяную массу на гужевом транспорте на силос. Поскольку возили издалека (3-4 км), то, пока едешь, успеваешь и отдохнуть. Но однажды у меня слетело колесо с груженной телеги. Рядом никого не было, помочь никому. Я сам поднял эту телегу, установил колесо и, видимо, надорвался. Еле дошел до дома. День болит живот, два. Мама пове-

Карл Пономарев. 2010 год.

ЛИСТОК ИЗ ШКОЛЬНОЙ ТЕТРАДИ

Увидел я этот листочек, и нахлынули на меня воспоминания о тех годах

Мама Феврония Степановна, папа Александр Яковлевич, сыновья Карл и Женья. 1937 год.

ла меня к слепой старушке Педонгурт-апай (у удмуртов женщин называли по имени той деревни, из которой они были взяты в жены). Она меня уложила на скамью, намылала живот и стала массировать по часовой стрелке. Потом достала из русской печи горячую корчугу и подержала на животе, затем снова массажи. Эта процедура длилась довольно долго. Затем она просунула свой палец в пупок и постепенно, медленно по часовой стрелке стала проворачивать. В животе появилась тягучая боль, и вдруг раздался громкий хруст. Педонгурт-апай даже испугалась и спрашивает: «Тон улэн на-а, Каля?» («Каля, ты жив ли?»). Видимо, у меня был заворот кишок, а в результате манипуляций Педонгурт-апая у меня все встало на место. Я поправился и снова стал трудоспособным.

Зимой же, естественно, начинался учебный год. Нелегко нам доставалось. В годы войны мы поменяли трех хозяев квартир. За жилье платила школа. Это, конечно, было большим облегчением. Вначале мы снимали комнату у немой Парыши (Немтырь Парась). В доме было очень грязно и огромное количество тараканов. Помню, когда готовили еду, откroшев кастрюлю, а они, ошпаренные паром, валялись с потолка прямо в нее. Ничего, привыкаешь ко всему. Взял ложку, зачерпнул таракана, выбросил, а суп или другое блюдо спокойно съедаешь.

Потом мы переехали в отдельный освободившийся дом Балы (имя хозяйки). Муж погиб на фронте, сама скончалась от голода

и болезни. Дом был старый, неухоженный и холодный. Но все-таки это отдельный дом, свой двор, огород. Мы завели корову, посадили на участке картофель и овощи. Я был старший. Домашнее хозяйство доверяли мне. Мы с мамой и сено для коровы на себе в течение лета заготавливали, и веточный корм. Так я научился и готовить, и корову доить, а ночью при копилке готовить уроки.

Не раз получал премии за хорошую учебу. Помню, как-то меня премировали ватником, шитым из мешковины, а вместо ваты – куделя. Это было предметом зависти для многих. Помню, хозяйка третьего места жительства Матрена (Матрон) говорила своему сыну Вале: «Учись хорошо. Смотри каким ценным подарком Калю наградили за хорошую учебу». В 1944 году меня пригласили в Глазовский райком комсомола и выдали американский пиджак, отправленный в качестве гуманитарной помощи (сейчас это называется секонд хенд).

Я гордился этим замечательным пиджаком. Он очень хорошо на мне сидел. Постоянное недоедание, холод и напряжение не могли не сказаться на состоянии здоровья. Все мы, дети и взрослые, страдали от авитаминоза. У всех членов нашей семьи были огромные болезненные чирии, которые выскакивали постоянно один за другим, многие, в том числе и мы, страдали от чесотки. Как бы мы ни боролись за чистоту, но огромное количество вещей просто порожало. Помню, как-то мы обсуждали в школе и семье проблему борьбы с ними: как проглаживать утюгом, как проводить ситаном (кочедыгом) по швам белья. Но все исправно побеждали – они были у всех. Однажды мы рассуждали об этом следующим образом: «Вши – это такие насекомые, которые есть у всех. Наверное, они и у товарища Сталина есть, только нам об этом не говорят».

Голод, холод, непосильный труд, загруженность школьной программой нами воспринималась совершенно естественно, что так это и должно быть. Но вот к смертям привы-

Я ему сказала, что ты копаешь картошку, и он побежал к тебе». Однако сколько бы я его ни ждал, он так ко мне и не прибежал, исchez.

Мы его искали несколько дней. Прошли всю округу в радиусе 4-5 километров. Ходили по лесам, кричали. Никакого результата. Во дворе у нас стоял колодец. Воду из него брала вся округа. Он был глубокий – метров 10-12. Мне показало, что на воде плавают пилотка, которую я подарил Жене. Когда сказал об этом старшим, то все они с удивлением и непониманием стали рассматривать эту вещь. На всякий случай принесли «кошку» – это такой большой четырехзубый крючок, привязанный к длинной веревке. Плавающий предмет зацепили и вытащили: оказалось – пилотка. Пригласили мужиков. Одного из них спустили в колодец, и он нашел там Женю. Вытаскивали с трудом. Труп несколько раз падал вниз. Мы долго никак не могли понять, как Женья оказался в колодеце. Лишь к концу войны ситуация прояснилась. Рядом с нами жила горбатенькая, больная туберкулезом 16-летняя девушка Роза. В тот день она пришла к колодецу за водой. В это время из дома выбежал Женья и мимо колодца помчался ко мне в огород. Пробега мимо Розы, подразнил ее: «Горбатик, горбатик!» Роза разозлилась и толкнула Женью, да так неудачно, что он свалился в колодеце. Роза испугалась, убежала и никому об этом не говорила. Но болезнь и, самое главное, эта трагедия сломили ее. Перед смертью она сказала своей матери: «Я умираю от большого греха, он не дает мне покоя. Это я толкнул Женью в колодеце».

В нашем роду Пономаревых и Невостревых было 10 мужчин. Из них в живых остался только я, и то потому, что не вышел возрастом.

Были в годы войны и моменты радости. Чаще всего они были связаны с победой наших войск на фронте. Как мы радовались, когда противник был разбит вначале под Москвой, а потом под Сталинградом, а когда летом 1943 года началось уже непрерывное наступление советских войск, настроение с каждым днем все улучшалось, поднимался моральный дух народа.

9 мая в Сыгинскую школу из города пришло известие о Победе. По этому случаю всех ребят отпустили с занятий и попросили оповестить жителей деревни. В тот же день некоторые школьники побывали в Глазове,

Карл, Феврония Степановна, сестра Елия. 1944 год.

Феврония Степановна и Флор Васильев, будущий поэт. 1944 год.

видели парад солдат военной части, охранявшей город. Много позднее, в 90-е годы, Президент России Б. Н. Ельцин подписал указ, по которому все, кто трудился в годы войны в тылу более 6 месяцев, получали звание «Труженик тыла» и, если не были награждены непосредственно в годы войны, награждались медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Я обратился в Глазовский филиал Центрального госархива Удмуртской АССР с просьбой подтвердить факт моей работы в колхозе «Азылань» Глазовского района. Мне выдали справку. Она подтверждает мою работу в 1943-1944 годах в течение 10 месяцев. Работу в 1942 году не подтвердили, поскольку мне не было еще 12 лет, а в 1945 году хозяйственные книги колхоза в архив не поступали. Я представил этот документ в отдел социального обеспечения Октябрьского района города Ижевска. Но юрист признал его недействительным, так как работником там значился Пономарев Каля Александрович, а я – Карл Александрович. Пришлось обращаться в суд для идентификации личности. Суд подтвердил, что Каля и Карл – это одно и то же лицо. Так я получил статус ветерана Великой Отечественной войны.

Школа же написала в воинскую часть письмо с просьбой описать обстоятельства гибели. В ответном письме с фронта сообщали, что во время отступления, при форсировании реки Дон уже на ее левой стороне, когда солдаты вышли из воды на берег, начался артобстрел противника, в результате которого многие солдаты погибли, в том числе и мой отец.

В сентябре потерялся мой брат Женья. Я в тот день копал картошку на огороде. Зашел домой и вижу: на скамье лежит Женина полевая сумка с учебниками, а самого его нет. Хозяйка Матрена сказала: «Женья прибежал из школы.

Карл ПОНОМАРЕВ,
доктор исторических наук, профессор,
труженик тыла, заслуженный работник
высшей школы РФ, заслуженный деятель науки УР.